

ИВАН ШЕВЫРЁВ

СФИНКС РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

К 250-летию И. А. Крылова

Мы не знаем, что такое Крылов
А. С. Пушкин

Тайна Крылова замурована, как в пирамиде Хеопса: наглядны только внешние грани огромного таланта народного писателя. “Ума палата” – увидел его, сказал И. С. Тургенев. “Этот человек – загадка, и великая”, – записал поэт Батюшков. В обстоятельной книге “Крылов” (М. 1959) Иван Сергеев уверяет, что тайна обусловлена сокрытием плебейского прошлого гениального баснописца, посчитавшего излишним опровергать различные измышления, анекдоты, вымыслы и легенды о себе: пусть, мол, Моськи лают на слона.

Истина отражена в конкретных стихах:

*Средь нужды, нищеты и горя <...>
Я взрос от самых юных дней.*

Однако ворошить начало своей жизни Иван Андреевич опасался и собственноручной автобиографии не оставил: будучи академиком, наотрез отказался править предлагаемые варианты; оттого у его великих современников и появились загадки.

В связи с отсутствием метрических записей неизвестно действительное место рождения. Энциклопедии и биографы указывают Москву; Иван Сергеев называет Заволжье, где служил бедный (из обер-офицерских детей) поручик драгунского полка Оренбургского корпуса Андрей Прохорович Крылов. Когда в 1770 году для войны с Турцией в Симбирске формировался Московский легион, поручик был произведен в капитаны (этот чин давал право на дворянство). Но вскоре последовал указ Военной коллегии об отчислении из легиона, так как он “парадными вещами исправляться не в состоянии”.

Незаслуженное понижение явилось глубочайшим унижением личности образцового офицера. Ко времени Пугачевского восстания Андрей Прохорович получил-таки чин капитана и в качестве помощника коменданта Яицкой крепости выдержал изнурительную осаду военного городка. Жена и сын оставались в осажденном Оренбурге. Ночной набат и пламя пожаров ярко отразились в цепкой памяти непоседливого мальчика.

Мария Алексеевна, обожавшая народные песни, происходила из неграмотных мещан, читать её научил Андрей Прохорович, что чудесным образом отразилось в воспитании и разуме сына.

Ярящиеся огни во время осады Оренбурга отражены в стихах возмужавшего от невзгод поэта. Когда восстание пошло на убыль, Мария Алексеевна с пятилетним сыном (сквозь непогоду и опасности, подобные описанным А. С. Пушкиным в “Капитанской дочке”) прибыли к Андрею Прохоровичу в Яицкий городок.

В городке заседала следственная комиссия. Преданного сообщниками Пугачёва посадили в деревянную клетку и привезли в крепость, откуда отправили в Москву. Эти трагические события врезались в сознание маленького Крылова. Возбужденные дети играли в “пугачевщину”, не считаясь с потерями: “произошло в ребятах такое остервенение, что принуждены были игру прекратить” — так записал Пушкин 11 апреля 1833 года после беседы с Крыловым.

Подорванное здоровье вынудило Андрея Прохоровича в 1775 году подать прошение об отставке. Военная коллегия отпустила его “на пропитание” по штатским делам без положенного повышения в звании. Хороший отзыв Потемкина заповедал, поэтому надлежало обращаться в Сенат.

Осознав монолитность бюрократии, капитан с семьей отправился к матери в Тверь — со своим кованым сундучком, заполненным накопленными за 25 лет службы художественными произведениями. Сын, рано освоив чтение, открыл волшебный мир поэзии и прозы — в этом разгадка самородка Крылова.

Тверь, благодаря солидной ссуде правительства, открывалась после тотального пожара — с участием выдающихся зодчих, включая Павла Казакова. В городе было много образованных дворян и иностранцев. Ректор духовной семинарии Арсений Верещагин ввел историю и физику в курс наук, а само преподавание — на русском языке вместо латинского. При посещении семинарии с отцом смысленный малец был в восторге от лицедейства учащихся, потом матери декламировал стихи и разыгрывал сценки. В общении со сверстниками и взрослыми постигались живопись, игра на скрипке, латинская азбука, итальянские песни.

Семья жила в бедности, ибо председатель уголовной палаты Андрей Прохорович не брал взяток. Однажды его, как боевого офицера, пригласил помещик Львов. Простодушный рассказ об осаде Яицкой крепости не произвел ожидаемого впечатления. Собравшихся удивил сын представлением в лицах смешных историй, декламацией стихов, игрой на скрипке. Гости и дети помещика были в восторге от талантов вундеркинда, Львов предложил заниматься ему вместе со своими детьми.

В первый и последний раз у ребенка были учителя. Учение давалось легко, но тетради не проверялись. Удалось освоить азы арифметики, геометрии, французского языка. Из сборника басен Лафонтена он выбрал для перевода басню о дубе и тростнике.

Мария Алексеевна после смерти мужа отослала прошение о пенсии на имя Екатерины II. Упомянув о заслугах мужа и “крайней бедности”, она просила пожаловать “на пропитание наше <...> что Вашему величеству всевышний бог на сердце положит”. Напрасные слова. На пропитание ей пришлось зарабатывать бдением у мещан и купцов, читая псалтырь у гроба покойников.

Уже на втором году учебы поступило определение Ивана Крылова подканцеляристом земского суда, а в десять лет он пошел на казенную службу в магистрат. Повытчик заставлял юного чиновника за чтением книги и бил ею по голове. Три долгих года отрок постигал лихоимство коллег и нравы власть имущих. Чтобы выбраться из служебной западни, здравомыслящий сын убедил мать продать книги из кованого сундучка отца — практически весь капитал семьи. Денег матери хватило, чтобы добраться до Петербурга и поселиться с сыновьями в Измайловской роте.

Столица ошеломила провинциала, в особенности увлек театр и модный жанр с песнями и куплетами. Подражая драматургам, он сочинял пьесу “Кофейница” с известным сюжетом гадания на кофейной гуще, положив в основу истинное происшествие в Тверском поместье.

Но сочинение пришлось отложить: магистрат официальной бумагой потребовал возвращения к месту службы “проживающего самовольно” подканцеляриста. Невольник спешно отправился в Тверь и через неделю появился у Львовых.

Было оформлено прошение наместнику Брюсу. В ожидании ответа отрок уединился и сделал оригинальный перевод басни Лафонтена, получивший похвалу помещика и его домочадцев. Воодушевленный удобным случаем, Львов

устроил встречу с Брюсом. Согласно резолюции заместителя, Иван сын Андреев Крылов 23 августа 1783 года получил свободу и чин канцеляриста “за беспорочную ево службу”.

В сентябре юный чиновник по протекции поступил на службу в Петербургскую казенную палату, а уже через 2 месяца получил чин провинциального секретаря с окладом 7 рублей в месяц. Для Марии Алексеевны это был лучший подарок.

Случайно встреченный в театральной канцелярии издатель и книготорговец Брейткопф, просмотрев рукопись комедии “Кофейница”, предложил автору 60 рублей ассигнациями. Вместо денег начинающий драматург взял книги Мольера, Расина, Буало. Брейткопф в то же время свел его с ценителями искусства и музыкантами театрального оркестра. С новыми друзьями по воскресеньям Иван играл на скрипке дуэты, трио и квартеты.

Трагедию “Клеопатра” пятнадцатилетний сочинитель отдал на суд поэту, актеру и драматургу Дмитревскому. Иван Афанасьевич три дня правил текст, хвалил удачные стихи, указывал на ошибки и промахи, а закончил дружеским советом уничтожить исчерканную рукопись: Клеопатрой втихомолку называли Екатерину II. По этой же причине “учитель русского театра” забраковал трагедию “Филомела” – с восстанием греческого народа в финале.

Пройдя школу взискательного Дмитревского, юноша пробовал себя в разных жанрах. На семнадцатом году жизни его сочинения напечатал журнал “Лекарство от скуки и забот”. Сын этим первым успехом порадовал больную мать – незадолго до ее кончины. Заслуги отца и собственные связи помогли определить десятилетнего брата Левушку в гвардию.

Зарабатывая на скудную жизнь чиновником казенной палаты, юноша создал веселую оперу “Бешеная семья” и комедию “Сочинитель в прихожей”, которые по рекомендации Дмитревского отнес в театр Михаилу Федоровичу Соймонову. Вельможа пожелал положить “Бешеную семью” на музыку и заказал перевод с французского модной оперы “Инфанта”, а также устроил чиновником в Горную экспедицию.

В театре, однако, возникли препятствия с советником Соймонова по репертуару Яковом Борисовичем Княжниным, ставшим на правах зятя Сумарокова “первым на Руси” драматургом. Позже Крылов в “Письме о пользе желаний” оптимистично напишет:

*Препятство злом напрасно мы зовем;
Цена вещей для нас лишь только в нем;
Препятством в нас желанье возрастает;
Препятством вещь сильнее для нас блистает.*

Именно Княжнин убедил Соймонова ввести “санкции” на сочинения Крылова, наряду с переводом “Инфанты” и либретто оперы “Американцы”.

Считавшая себя поэтессой Княжнина, узнав, что Соймонов выдал юноше билет на рублевые места, при встрече театрально “плюнула в душу”: “нашелся писатель за пять рублей”. Иван Андреевич в ответ написал сатирическую комедию “Проказники”, в которой Яков Борисович назван Рифмокрадом, а его жена Тараторой.

Великолепная память и отменное здоровье позволяли Крылову быть вездесущим: писать стихи, эпиграммы, переводить с итальянского и французского, кропать сочинения о спесивых дворянах. Но сатира на писателей явилась крахом его театральной карьеры: М. Ф. Соймонов снял подготовленную к постановке в театре оперу “Американцы”, не заплатил и за перевод “Инфанты”. “Расплата” произойдет через три года.

Пришлось оставить и службу в Горной экспедиции у того же Соймонова. Взвинченный невзгодами Крылов сочинил памфлет о Рифмохвате и опубликовал его в журнале “Утренние часы” И. Г. Рахманинова (прадеда композитора); затем написал открытые письма Княжнину и Соймонову, внешне подобострастно-наивные, а по сути издевательские, и пустил копии по рукам. Вельможа автор просил возвратит оперы “Бешеная семья” и “Американцы” для того, чтобы дать публике “отчет, почему мои творения не приняты на театр”...

Усердно сотрудничая в журнале “Утренние часы”, Иван Андреевич фактически стал его соредактором. В 1789 году Крылов предложил Рахманинову

использовать литературную форму сатирического журнала Федора Эмина “Адская почта” под заглавием “Почта духов”. Иван Герасимович добился разрешения на издание нового журнала и взял все расходы на себя; поручив все дело Ивану Андреевичу, уехал в тамбовское имение. “Почта духов” выходила анонимно с монограммой “И. Р.” на обороте титульного листа. Используя материалы Рахманинова и его библиотеку, Крылов сочинял свои сатирические новеллы, статьи и фельетоны на злобу дня в стиле Радищева, Новикова и других авторов. В письмах духов гномы, волшебники и сильфы говорили о пороках общества. В письме сильфа Дальновида утверждалось, что “львы и тигры менее причинили вреда людям, нежели некоторые государи и их министры”. Автор пояснял: “Кажется, что люди тех только монархов называют Великими, которые во время своего царствования истребили из них несколько миллионов”. В то же время труженики всех видов полезной деятельности заслуживают почета и уважения, а праздность “часто бывает источником всех пороков и причиною величайших злодеяний”.

Сильф Выспрепар рассуждал о золотом веке государства, если бы в нем оказалось двести честных деятелей, что весьма проблематично.

Персонажи “Почты духов” Световид, Трудолюбов, Дальновид, Буристан, Рубакин, Плуторез, Выспрепар, Тихокрадов, узнаваемые в реальной жизни, привлекли внимание и читателей, и власти.

Прибывший в столицу И. Г. Рахманинов в июльском номере исключил язвительные выпады против правительства. В восьмом номере гном Зор уже восхищался мудрой Минервой: она ведет победоносные войны, умно правит народами, поощряет искусство и науки.

Раздумья Крылова обобщены в письме Маликульмулька: “Вся история дел человеческих, от самого начал света, наполнена злодеяниями, изменами, похищениями, войнами и смертоубийствами”. Народы надо исправлять не угрозами и карами, а учить и воспитывать. “Нравоучительные правила должны состоять не в пышных и высокопарных выражениях, а чтоб в коротких словах изъяснена была самая истина. Люди часто впадают в пороки и заблуждения не оттого, что они их позабывают; а для сего-то и надлежало бы поставлять в число благотворителей рода человеческого того, кто главнейшие правила добродетельных поступков предлагает в коротких выражениях, дабы оные глубже впечатлевались в памяти”. Молодым людям автор готов “твердить, что вступать в свет без всякой осторожности, в надежде найти в нем справедливость и чистосердечие, есть равно как бы пускаться в море без карты и без компаса”.

За анонимные философские сатирические сочинения Ивана Андреевича Крылова пострадал Иван Герасимович Рахманинов: издательство журнала прекратилось почти одновременно с запрещением и сожжением “Путешествия” А. Н. Радищева, которого заключили в Петропавловскую крепость (Уголовная палата, Государственный совет и Сенат, памятуя слова царицы: “бунтовщик хуже Пугачева”, утвердили смертный приговор в августе 1790 года).

Только анонимность автора и прекращение выпуска журнала спасли И. А. Крылова от ссылки. По предложению сослуживца казенной палаты он оказался в помещицкой усадьбе Орловской губернии, где обрел сердечную дружбу 15-летней Анюты Константиновой. Однако ее родители дали понять, что их дочь не чета писателю без рода и племени. От этой душевной встречи остались грустные стихи, да прощальная песенка с припевом:

*А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня?*

В то же время Иван Андреевич близко сошелся со знакомым писателем А. И. Клушиным родом из Твери. Уже в Петербурге Алексей Иванович поведал ему о драме молодого актера Сандунова, невеста которого приглянулась графу Безбородко. Соймонов решил перевести жениха в Москву, а невесту оставить в Петербурге. На последнем спектакле в присутствии Екатерины II Сандунов прочел стихотворение Крылова и Клушина, в котором развратный вельможа домогается невесты бедного актера, но императрица не допустит торжества порока. Императрица позвала в ложу Лизаньку Уранову; ее слезы и треволнения закончились торжественной свадьбой Сандуновых. Соймонова отстранили от театра; у Крылова в Москве оказались надежные друзья.

Судьба А. Н. Радищева подвигла Крылова к лихорадочному творчеству. Весьма своеобразно в царской опочивальне оказалась “Ода Всепресветлейшей, Державнейшей Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне – Самодержице Всероссийской на заключение мира России со Швецией, которую всеподданнейше приносит Иван Крылов...”. С душевным пафосом автор показал немалые заслуги Екатерины II перед отечеством, чтобы воззвать к ее милости, ибо для подданных символична “непомраченная злом корона”:

*Ее десница грома мечет,
Но в сердце милость у нее...*

“Милость” последовала в сентябре 1790 года: императрица подписала указ о замене смертной казни А. Н. Радищева ссылкой в Сибирь на 10 лет.

Когда во Франции грозно бушевала революция, в Петербурге открылась типография на паях “Крылов со товарищи”. Издавать журнал “Зритель” с января 1792 года у пайщиков не хватило средств, и Иван Андреевич объяснил в первом номере: “Ныне высокос, февраль именинник – вот причина, для чего “Зритель” начинается с февраля”. В программном обращении издатели Дмитревский, Клушин, Крылов и Плавильщиков сообщали: “Право писателя представлять порок во всей его гнусности, дабы всяк получил к нему отвращение, а добродетель – во всей ее красоте, дабы пленить ею читателя...”. В передовой утверждалось: “Россияне велики в делах; а в описаниях об них весьма скромны <...> россияне не для того бьют врагов, что они охотники драться, а для того, чтобы их самих не били <...> Храбрость и отвага их основательны, а неустранимость преславна”.

Литература в понимании Крылова, отражая истину, должна быть школой патриотизма. Применяя к обстоятельствам, он сочинил “Похвальную речь в память моему дедушке”: “Пусть кричат ученые, что вельможа и нищий имеют подобное тело, душу, страсти, слабости и добродетели. Если это правда, то это не вина благородных, но вина природы, что она производит их на свет так же, как и подлеjších простолюдинов...”.

В статье “Мысли философа по моде, или Способ казаться разумным, не имея ни капли разума” Крылов давал советы на тему: “Умей говорить, не думая...”. Одна за другой следовали сатирическое эссе “Речь, говоренная повесою в собрании дураков”, петербургская сказка “Ночи”, остроумная сатирическая повесть “Каиб”, в которой вельможи и сановники рядились в пышные одежды визирей и эмиров.

В повести “Каиб” калифа убеждает некий призрак: “Помни, что право твоей власти состоит только в том, чтобы делать людей счастливыми...”.

Служка за издателями закончилась тщательным обыском в книжной лавке “Крылов со товарищи” и типографии, однако “вредных сочинений не нашлось” – доносил губернатор Коновницын фавориту Екатерины II Платону Зубову. Издатели убедили пристава и обер-полицеймейстера в благих намерениях своих сочинений “без всякого умысла”. Полицейский доклад императрице заканчивался фразой: “Дальнейшие исследования до Высочайшего благоусмотрения остановил, дабы не последовало и малейшей обиды, и притеснения, как о том мне приписать изволили”. Разумеется, издатели об этом докладе не знали. Дмитревский и Плавильщиков устранились от издания журнала.

В конце года полиция снова учинила обыск в типографии. Изъятые сочинения изучала сама императрица. Вместо “Зрителя” Крылов и Клушин получили разрешение на издание “Санкт-Петербургского Меркурия”, и в нем уже не было сатирических очерков против правительства.

Крылов написал панегирик “Похвальная речь науке убивать время”, закончив его фразой: “Год уже наступил... время наваливается на наши руки, но ободритесь – остерегайтесь мыслить, остерегайтесь делать, и год сей будет служить нам оселком, над которым наука убивать время покажет новые опыты, достойные нашего просвещения”.

Пристальное внимание властей к “Меркурию” вынуждает авторов печатать “благонамеренные статьи”, а также оду “на случай фейерверка” в связи с окончанием войны с Турцией.

В стихах Иван Андреевич горестно обращается к слепой фортуне: “За что ты ко мне так сурова?” и заканчивает откровением:

*За правду знаять нелюбим,
За истину от всех гоним,
Умрешь и беден, и бесславен.*

Императрица вызвала инакомыслящих авторов для беседы во дворец по-одиночке. А. И. Клушин опубликовал в “Меркурии” льстивую оду, в итоге получил 1500 рублей для образования за границей. И. А. Крылов последовал собственному совету из “Почты духов”: “Дабы получить успех в изучении мудрости, надлежит лучше быть зрителем, а не действующим лицом в тех комедиях, которые играют на земле”.

Книжка журнала заканчивалась объявлением: “Год “Меркурия” кончился и за отлучкой издателей продолжаться не будет”.

После десяти лет непрерывной творческой работы И. А. Крылов с рухнувшими надеждами тихо удалился из опасной для него столицы. Отлучение от литературы и скитание по стране от Невы до Волги, Днепра и Балтики также продолжались 10 лет.

По мнению известного литератора Греча, душа Ивана Андреевича “требовала ощущений — он стал игроком”. Однажды он выиграл весьма круглую сумму, но в следующую ночь все проиграл шайке мошенников. В азарте игры Крылов усвоил маску напускного безразличия, тайно побывав с гастроле-рами-банкетными в десятках городов Поволжья и центральной России. В скитаниях он постигал диалекты, оттенки и нюансы народного языка и сохранял их в “кладовой” памяти; в затрапезных гостиницах переводил с французского или итальянского языков короткие описания и без подписи посылал в журнал “Приятное и полезное препровождение времени”. Его отрезвили разоблачения в печати элитных организаций картежных шаек, связанных с полицией и чиновниками.

Временно Крылов обосновался в близкой ему по духу Москве, где гостей принимали доверчиво по уму. Знакомый живописец привел его в дом хлебо-сольных Бенкендорфов. Хозяйка рисовала акварелью и была душой общества музыкантов, художников, литераторов — круг людей, приятных для Ивана Андреевича. На память о дружеских беседах Елена Ивановна попросила оставить какой-нибудь эскиз — по обычаю ее салона. Осенью 1795 года Крылов нарисовал пером портрет императрицы и отправил его, сопроводив стихотворением и письмом с цитатой из “Покинутой Дидоны” итальянского поэта Метастазии (создателя 28 оперных либретто); ее перевод означал: “Последнее, что теряешь — надежду”. В письме он сетовал: “До сих пор все предприятия мои опровергались, и, кажется, счастье старалось на всяком моем шагу запнуть меня; это было, есть и, может, вечно так будет; но пусть только одна она не отлучается от меня и проводит меня до моего гроба...”.

И все же литератор начинал выходить из подполья: два стихотворения были отосланы в новый альманах Карамзина и Дмитриева “Аониды” с подписью “И. К-в”.

Обстоятельства изменились с кончиной Екатерины II осенью 1796 года. Крылов поспешил в Петербург. На прогулке у Зимнего он неожиданно повстречался с Павлом I. Спросив о здоровье, император, не дожидаясь ответа, пригласил на досуге заходить во Дворец. На другой день творца приняла Мария Федоровна. В меру скромный, тактичный, остроумный молодой человек произвел на нее благоприятное впечатление — императрица его запомнила.

Вера в доброго императора быстро сменилась тревогой: “гром барабанов” в столице обещал молниеносные разряды. Только его бывшего компаньона Клушина эта стихия не пугала: за границей, в Ревеле, он женился на немецкой баронессе, в Петербурге доказал опалу Екатерины II и был назначен цензором на театре, а Павлу I поднес оду. Крылов, сославшись на душную атмосферу столицы, простился с приятелем и поехал в Москву. Дружба с Бенкендорфами расширила его связи со знатью, а главное — состоялось знакомство с С. Ф. Голицыным. Опальный князь увез его в свое поместье Зубриловку (теперь там литературный музей), сделал его своим секретарем. Неожиданно Голицын получил приказ выехать в армейские части в Литву. В роли личного секретаря поехал на Запад и подпоручик Крылов.

Князь не поладил с немецкими ставленниками, вновь впал в немилость Павла I и вместе с опальным секретарем удалился в свое поместье Казацкое Киевской губернии.

Углубляя и расширяя свои знания, Иван Андреевич принялся учить детей. Один из них вспоминал: “Учитель не довольствовался одним русским языком, а к наставлениям своим примешивал много нравственных поучений и объяснений разных предметов из других наук”. На уроках он шутил с детьми, иногда спорил, на дельные вопросы толково отвечал. Одновременно в глуши парка были созданы комедия “Пирог” и шутотрагедия “Подщипа” – злая карикатура на сумасбродство павловских порядков. В крепостном театре автор играл заглавную роль Триумфа – наглого немецкого принца-солдафона, захватившего царство Вакулы. Актерский и режиссерский талант Крылова поразил публику.

Тайное творчество и спокойная жизнь закончились внезапно – в Казацкое примчался гонец с известием о кончине императора и приказом о назначении князя военным губернатором Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. Крылов поехал не в Ригу, а в Петербург. Прибыв в столицу, он отправил вдове Павла I Марии Федоровне письмо, в котором не просил ни чинов, ни денег, а только изложил мотивы своего желания служить у Голицына в Прибалтике. Без промедления провинциальный секретарь Иван Крылов по указу Сената направляется правителем дел в канцелярии губернатора.

В Риге он привел в систему свое образование. Освоив в совершенстве немецкий язык, Иван Андреевич упивался точностью мысли и музыкой слога стихов Шиллера.

Летом 1803 года Ригу посетил Александр I, третий монарх, воочию увиденный Крыловым за семь лет. Пришло осознание – добрых царей не бывает.

Литературное поприще вновь позвало в дорогу: в столице состоялась премьера пьесы “Пирог”, а книготорговцы переиздали “Почту духов”.

Осенью 1803 года Голицын отпустил губернского секретаря в Россию “для определения к другим делам”, как вскоре оказалось – к литературным. Побывав в Москве, Крылов уединился у брата в Серпухове, полный сил и желания творить. Испысывая днем и ночью кипы бумаги, он вчерне написал комедии в прозе “Модная лавка” и “Урок дочкам”. Тогда же был написан “Лентяй” в защиту русских нравов, культуры и языка от иностранного влияния.

Кроме жанра комедии русскому духу соответствовала басня. Чтобы избежать запрета, умудренный горьким опытом, Крылов начал с переводов на русский язык произведений иностранных авторов, насыщая их жизненной философией и злободневностью. Переводчик басен Лафонтена И. И. Дмитриев, одобрив произведения Крылова, передал их в журнал “Московский зритель”, где они были опубликованы в начале 1806 года.

После удачного дебюта в Москве Иван Андреевич прибыл в Петербург. В доме И. А. Дмитриевского состоялась читка комедии “Модная лавка”. Театрал Шаховской определил ее к постановке.

Директор театров А. Л. Нарышкин заказал Ивану Андреевичу либретто оперы “Илья Богатырь”. Премьера состоялась в конце 1807 года. Призыв к единству нации и страны был услышан. Публика восторженно воспринимала куплеты о борьбе и победе русских воинов. После Тильзитского мира на волне галломании, когда даже гвардию одевали по французскому образцу, здравницы русскому герою были весьма актуальны.

После успеха в театре Шаховской привлек автора к изданию журнала “Драматический вестник”. Именно в нем увидел свет басни “Волк и Ягненок”, “Слон на воеводстве”, “Лев на ловле”, “Слон и Моська”. Ларчик его успеха в народе открывался просто: нравоучения басен легко запоминались и толковались читателями в узком и широком смысле философских иносказаний мудреца. В баснях “по случаю” выдвигались и решались “опасные” темы, такие как “воспитание льва”, где речь шла явно об Александре I, воспитанном швейцарцем Лагарпом; о казнокрадах (“Вороненок”), о выдвигенцах на государственные посты (“Совет мышей”). Умысел “Квартета” “А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь” касался перестановок в правительстве.

В 1808 году Крылов напечатал около двадцати басен, а осенью по совету Президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина поступил на службу в Монетный департамент в чине титулярного советника. Вельможа сознавал, что Ивану Андреевичу требуется твердое общественное положение, а служба в департаменте позволяла держать баснописца в поле зрения. Более того, Крылов стал частым гостем в доме Лениных, подружился с умной

женой хозяина, стал своим человеком в семье, разделяя ее горести и радости. Оленин был первым читателем и редактором новых басен.

В начале 1809 года вышла первая книга, успех которой ошеломил автора.

Более года усердно трудился Крылов над новыми баснями и в конце 1809 г. передал их для публикации Оленину. Вторая книга появилась весной 1811 года и быстро раскупилась. Автор вполне овладел стихией народного языка, прокламируя в баснях “опасные” темы, волновавшие общество предвоенного времени.

В 1811 году Наполеон сказал своему послу в Варшаве аббату де Клодту: “Через пять лет я буду владыкой всего мира. Остается одна Россия, — я раздавлю ее...”. В июне 1812 года 640-тысячная армия вторглась в Россию. Александр I пытался договориться с Наполеоном и униженно предлагал мир. Крылов пустил по рукам басню “Кот и повар”, в которой убеждал правительство не уговаривать кота Ваську, а применить силу — само существование России оказалось под угрозой.

В басне “Раздел” Иван Андреевич клеймил “торгашей”:

*...Нередко от того погибель всем бывает,
Что чем бы общую беду встречать дружней,
Всяк споры затевает о выгоде своей.*

Вполне принимая дальновидный маневр Кутузова, Крылов написал басню “Ворона и Курица”. Это о Наполеоне пословица: “Попался, как Ворона в суп”. А самое важное — в защиту полководца, без какой-либо аллегии, подана историческая истина:

*Когда Смоленский князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил...*

Тут воистину “смысл не в конце и не в начале, а от начала до конца”.

Армия воодушевлялась, читая басню “Волк на псарне”. Сам Кутузов ее озвучивал перед войском после сражения под Красным с обнаженной седой головой:

*Ты сер, а я, приятель сед.
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делай мировой,
Как снявши шкуру с них долой.
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.*

Пожалуй, так подняться в России “на крыло” никому не удавалось. Батюшков писал Гнедичу: “. . . в армии его басни все читают наизусть. Я часто их слышал на биваках с новым удовольствием”. “Басни превращались в живую историю”, — уверял издатель “Русского вестника” ополченец Сергей Глинка.

Вельможи типа Ростопчина, генералы Вильсон, Толь и другие обвиняли Кутузова в медлительности. В ноябрьском номере “Сыны отечества” появилась басня “Обоз” — об удали ретивого коня, опрокинувшего воз с горшками в канаву, и понятной всем моралью:

*Все кажется в другом ошибкой нам:
А примешься за дело сам,
Так напраказишь вдвое хуже.*

Адмирал Чичагов, обманутый Наполеоном фальшивыми мостами через Березину, бежал от маршала Удино без обоза, канцелярии и фургона со столовым сервизом, и в результате позорно упустил императора. В басне “Щука и Кот” охотница на ершей взялась ловить мышей, а осталась полуживой и без хвоста (обоза). А знаменитое начало превратилось в пословицу: “Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги точать пирожник”.

Когда Кутузов изгнал французов из России, Александр I отправился с армией за границу. Крылов написал серию басен, таких как “Заяц на ловле”, о награжденных чиновниках-“храбрецах”, и “Добрая лисица” — лицемерии в отношении жертв войны. Немецкий фельдмаршал Гнейзенау тогда же констатировал: “Если бы не превосходный дух русской нации, если бы не ее ненависть против чуждого угнетения, то цивилизованный мир погиб бы, подпавав под деспотизм неистового тирана”.

В январе 1814 года в присутствии элиты Петербурга состоялось открытие Императорской публичной библиотеки. После официальных речей о пользе знаний взволнованный Гнедич требовал растить русскую литературу, ибо “перо писателя может быть в руках его оружием более могущественным, более действенным, нежели меч в руках воина, и чтобы владеть с честью пером, должно иметь более мужества, нежели владеть мечом”. В философской притче о пользе и вреде наук Крылов выполнил наказ шефа Оленина:

*Какой-то древний царь впал в страшное сомненье:
Не более ль вреда, чем пользы от наук?
<...> И не разумнее ль поступит он,
Когда ученых всех из царства вышлет вон?*

У рыбака было три сына. Ленивый только собирал жемчуг, трудолюбивый богател, алчный нырнул на большую глубину, чтобы разбогатеть сразу, и утонул, поэтому в жизни и в науке следует быть реалистом.

*Хотя в ученье зрим мы многих благ причину,
Но дерзкий ум находит в нем пучину
И свой погибельный конец,
Лишь с разницею тою,
Что часто в гибель он других влечет с собою.*

По случаю возвращения императора в Россию была написана басня “Чиж и еж”, которая заканчивалась, как положено, упоминанием имени самодержца, но с немалой долей иронии:

*Так я крушуся и жалею,
Что лиры Пиндара мне не дано в удел:
Я б Александра пел.*

Стараниями Оленина и Жуковского помощник библиотекаря титулярный советник И. А. Крылов стал коллежским асессором. В 1815 году вышли из печати “Басни Ивана Крылова в трех частях”, на другой год изданы четвертая и пятая части. Автор пояснял: “Этот род понятен каждому; его читают и слуги, и дети”.

Нередко работая ночи напролет, он на заре купался в канале у Летнего сада, а днем в библиотеке иногда засыпал и видел живописные сны; дремал он и в обществе, отчего рождались анекдоты о его лени.

Несколько раз в году в Зимнем дворце у Марии Федоровны происходили чопорные обеды и литературные чтения, где Иван Андреевич был самым почитаемым гостем.

Публичная библиотека, богатая иностранной литературой, стараниями Крылова и Сопикова обогатилась в тысячу раз русскими книгами.

Многогранные труды сначала вызывали приливы крови и головные боли, а однажды ночью случился удар: сердце замирало, руки не двигались. В одиночестве он перемогал болезнь и вскоре уже работал.

Второй удар случился зимой. Из последних сил он дошел до Олениных, изнемогая от слабости, прошептал Елизавете Марковне: “Помните, я говорю, что приду к вам умирать”.

Благодаря докторам и заботам хозяйки болезнь отступила. Летом его пригласила в Павловск Мария Федоровна. В дворцовом парке он настолько отдохнул и окреп, что стал готовить для новой книги басни, написанные в “годы молчания”.

Вернувшись в Петербург, Иван Андреевич днем работал в библиотеке, ночами шлифовал новые строки. На пятьдесят шестом году жизни вышла

очередная книга в 26 басен. “Пестрых овец” цензура запретила целиком, ибо “Лев пестрых невзлюбил овец”: они олицетворяли русских вольнодумцев. На вопросы об “умысле” автор умно открещивался.

Князь Вяземский расшифровал тайнопись разночинца Крылова, предпочитая ему Дмитриева, на что ссыльный Пушкин писал: “Грех тебе унижать нашего Крылова. Что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова”. Гоголь уверял: “Ни один из поэтов не умел сделать свою мысль так ощутительно и выражаться так доступно всем, как Крылов”.

В жизни Иван Андреевич артистично играл роль человека с душой нараспашку — любил всласть покушать и посмеяться, одевался небрежно, на людях жил беспечно; превращал ночь в день, создавая свои актуальные на все случаи бытия творения.

В день восстания декабристов Крылов в сопровождении сослуживца Лобанова поспешил на Сенатскую площадь. Знакомые по гостинице Оленина и редакциям журналов, узнав его, кричали: “Уходите, Иван Андреевич, уходите скорей, вам не надо здесь быть”.

Пестель, Рылеев, Бестужев, Муравьев-Апостол, Волконский — со всеми он встречался — было отчего на старости лет переживать и попасть в опалу.

Вскоре Крылова вызвали во дворец. “Благосклонная беседа с государем осталась тайной для истории”. Сын Марии Федоровны не мог посадить “дедушку Крылова” в каземат. Пожаловал его чином коллежского советника. Однако новые басни “Пушки и паруса”, “Бритвы” и “Бедный богач” появились в альманахе “Северные цветы” только в начале 1829 года. Пример Пушкина, издававшего свои гениальные творения, и его рассказ о встрече с опальным Ермоловым определили содержание басни “Булат” — крамолу в ней не осмелились усмотреть.

В 1830 году вышли басни в восьми книгах. Издатели не скупались, и журналисты подсчитывали сумму его гонораров в 150 тысяч рублей. Его пенсия была удвоена, ибо он стал уже статским советником.

За два дня до роковой пушкинской дуэли издатели и писатели устроили торжественный обед в честь переезда книжной лавки Смирдина. Крылова усадили между Пушкиным и Жуковским за стол с яствами.

А утром 1 февраля 1837 года гроб с телом Пушкина выносили из церкви Крылов, Жуковский и Вяземский. В последующие семь лет Иван Андреевич не написал ни одной басни; для новых изданий правил прежние публикации.

В начале 1838 года на вечере у Одоевского возникла идея торжественно отметить 50-летие литературной деятельности Крылова. Власть разрешила совместить юбилей с его днем рождения 2 (13) февраля. Литераторы во главе с Одоевским в доме Энгельгардта устроили лукуллово пиршество. Купцы поставили лучшие деликатесы, вина и фрукты. Не поскупилась и богачи, “жадную толпою стоящие у трона”. “Весь Петербург” съехался на банкет. Ивана Андреевича наградили орденом, увенчали лавровым венком. Была исполнена кантата, написанная Вяземским. Поднимая бокал в честь юбиляра, В. А. Жуковский сказал: “Наш праздник... есть праздник национальный; когда бы можно было пригласить на него всю Россию, она приняла бы в нем участие...”.

Среди помпезных речей только Жуковский, обращаясь к Ивану Андреевичу, вспомнил наставника-баснописца И. И. Дмитриева и добрым словом упомянул Пушкина: “На празднике нашем недостает двух, которых присутствие было бы украшением и которых потеря еще так свежа в нашем сердце. Один, знаменитый предшественник ваш на избранной вами дороге, недавно кончил прекрасную свою жизнь, достигнув старости глубокой... Другой, едва расцветший и в немногие годы наживший славу народную, вдруг исчез, похищенный у надежд, возбужденных его гением”.

Вещие реалии высказал Одоевский: “Мы еще были в колыбели, когда ваши творения уже сделались дорогою собственностью России и предметом удивления для иностранцев. От ранних лет мы привыкли не отделять вашего имени от имени нашей словесности <...> Ваши стихи во всех концах нашей величественной родины лепечет младенец, повторяет муж, вспоминает старец; их произносит простолюдин, как уроки положительной мудрости, их изучает литератор, как образцы остроумной поэзии, изящества и истины...”.

Одоевский ясно сказал, что басни Крылова — драгоценное наследство русского народа.

Весной 1841 года на основании прошения об отставке ему сохранили пожизненную пенсию и жалованье в библиотеке. Вполне обеспеченный человек, он мог позволить себе изысканные блюда, изредка в своем экипаже выезжал в Английский клуб, иногда посещал концерты, собрания, литературные вечера. Белинский вспоминал: "...любо было смотреть на эту седую голову, на это простодушное, без всяких претензий величавое лицо: точно, бывало, видишь перед собою древнего мудреца".

На одном вечере его наблюдал И. С. Тургенев: "Он опирался обеими руками на колени и даже не поворачивал своей колоссальной, тяжелой и величавой головы; только глаза его изредка двигались под нависшими бровями <...> Ни сонливости, ни внимания на этом обширном, прямо русском лице — а только ума палата..."

Осенью 1844 года при Академии наук открылось отделение русского языка и литературы. В списке академиков имя Крылова стояло первым.

Перед кончиной 9 ноября 1844 года Иван Андреевич просил выполнить свое последнее желание: каждому пришедшему на похороны вручить пакет с баснями в девяти книгах, подготовленных и изданных автором.

Похоронен Крылов в Александро-Невской лавре.